

также учитывать, были ли ниши и ямы доступны людям после внесения тела в камеру. Ведь замурованную нишу или яму в камере нельзя было использовать для культовых целей после того, как участники похорон покидали эту камеру. По-разному интерпретируют и следы огня, не связанные с сжиганием тел. Огнем несомненно дезинфицировали и очищали могилу, когда ее открывали для внесения следующего покойника.

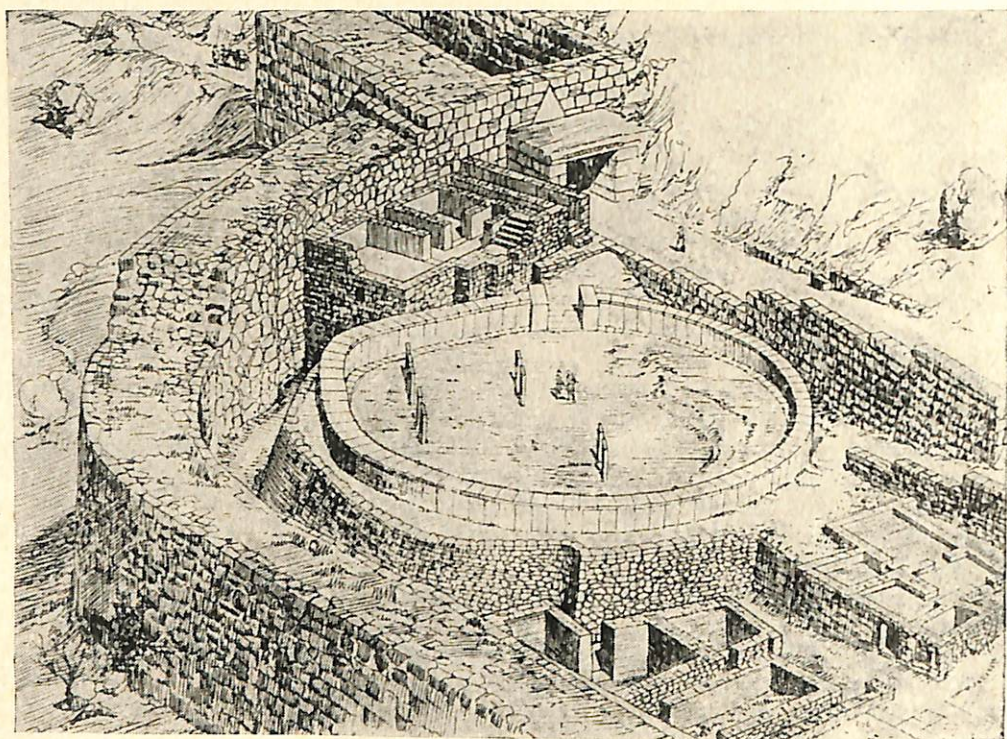

Рис. 7. Шахтовые гробницы и священная ограда на акрополе Микен (реконструкция)

Однако трудно сказать, можно ли огонь ставить в связь с погребальным ритуалом и с культом мертвых. Факты, касающиеся ограды шахтовых гробниц в Микенах (рис. 7), не подлежат сомнению. Однако не так обстоит дело в отношении других некрополей, где возможны разные толкования. Поэтому можно полагать, что даже в позднееэлладский период культ мертвых не пользовался широким распространением; он относился, видимо, к узкому кругу лиц, прежде всего к покойным царькам.

В представлениях древних эллинов надлежащие похороны были исключительно важным делом для спокойствия покойного и его ближайших родственников. Об этом свидетельствуют обращенные к Патроклу слова Ахилла в «Илиаде» (XXIII, 179 сл.):

«Радуйся, милый Патрокл, хотя б и в жилищах Аида!
Делаю все для тебя, что раньше тебе обещал я!»

(пер. В. В. Вересаева)

Л. Пресс

ДВОРЕЦ В ВУНИ НА КИПРЕ

Первые монументальные сооружения I тыс. до н. э. появляются на Кипре в погребальной архитектуре: в конце геометрического — начале архаического периода отчетливо выделяется своими размерами и строительной техникой группа монументальных каменных склепов¹. К концу архаического периода (начало V в.) относится и первый монументальный памятник жилой архитектуры — дворец на скалистой возвышенности Вуни² у моря, в северо-западной части Кипра, неподалеку от древнего города Сола.

Дворец занимал вторую террасу обширного плато, окруженного оборонительной стеной, спускавшейся к морю. Ниже располагалось поселение, отделенное от дворца некрополем, самую вершину холма занимало святилище Анат — Афины. Дворец представлял собой комплекс помещений вокруг центрального двора. Раскопками выявлены два основных строительных периода и установлено, что наиболее существенные изменения были произведены в середине V в. до н. э.

Первоначально дворец имел юго-западный фасад с парадным входом, составлявшим единое целое с официальными апартаментами. Этот парадный комплекс имел трехчастное деление в глубину и ширину и состоял из главной, средней и двух боковых секций. Средняя секция включала в себя три расположенных одно за другим в глубину помещения (рис. 1, 51—53) — входной вестибюль, главный приемный зал и внутреннее помещение, открытое во двор (рис. 1, 47). Боковые секции, также разделенные в глубину на три части, имели собственные входы снаружи и сообщались с центральной секцией и помещениями, примыкавшими к ним сбоку. Передние части боковых секций были выдвинуты, фланкируя расположенный в глубине главный вход.

Из внутреннего зала по ступеням спускались во двор, почти квадратной формы, окруженный с трех сторон колоннами. Посредине находилась цистерна; вокруг двора располагались жилые комнаты и баня (рис. 1, 40—43), примыкавшие к нему узкой стеной, за исключением помещения 34—36 с широким открытым проемом. Комнаты выходили не непосредственно во двор, а в крытые галереи типа пастад³. К юго-востоку от центральной части находились кухни, к северо-западу — жилые комнаты, кладовые, бани, уборные. Дворец был окружен небольшими святилищами в виде открытых дворов — теменосов и закрытых капелл. Общие размеры дворца первого периода — 80 × 55 м.

При перестройке в середине V в. до н. э. (рис. 2) над некоторыми помещениями был возведен второй этаж⁴, в юго-восточной части появился большой прямоугольный хозяйственный двор (рис. 2, 87); в бане (40—43) было устроено теплое отделение. Главный вход был заложен, и в противоположной части устроен новый (сбоку, через помещение 37, с поворотом во двор под прямым углом). Таким образом, парадный комплекс превратился в закрытое с тыла помещение, расположенное в глубине двора и несколько напоминавшее мегарон микенских дворцов II тыс. до н. э.

Еще до опубликования окончательных результатов раскопок были высказаны разные мнения об архитектуре этого здания. В предварительных сообщениях его сближали с критскими и микенскими дворцами II тыс. до н. э.⁵ По мнению В. Мюллера, выступившего в печати до выявления двух строительных периодов, в архитектуре дворца в Вуни, эклектически сочетающей исконно месопотамский принцип центрального двора, мотив египетского перистыля, некоторые детали сиро-хеттских хилани и мегарон, сохранившийся на Кипре еще со II тыс. до н. э., преобладают черты, заимство-

¹ «The Swedish-Cyprus Expedition» (далее — SCE), IV, Stockholm, 1947, стр. 454.

² Раскопки Шведской кипрской экспедиции. См. SCE, III, 1, 1937, стр. 76 слл., 111 слл.; SCE, IV, стр. 23.

³ См. реконструкцию: SCE, III, 1, табл. XXVI, XXXVII.

⁴ SCE, III, 1, табл. XXVII.

⁵ «Syria», XII, 1931, стр. 60.

ванные из восточной архитектуры⁶. Известие о том, что первоначально никакого мегарона во дворце не существовало, по мнению В. Мюллера, явилось дополнительным веским аргументом в пользу общего восточного характера памятника⁷.

Руководитель работ Шведской экспедиции Э. Гьерстед считал архитектуру дворца закономерным результатом развития местного кипрского типа жилища с внутренним двором, общего для всего Восточного Средиземноморья⁸. Интересные соображения были высказаны Э. Гьерстедом по поводу перестройки дворца, связанной, по его мнению, с политическими событиями на Кипре в первой половине V в. до н. э.⁹. После поражения антиперсидского восстания в 499 г. Солы, принимавшие в нем наиболее активное участие, потеряли независимость; надзор над побежденными противниками

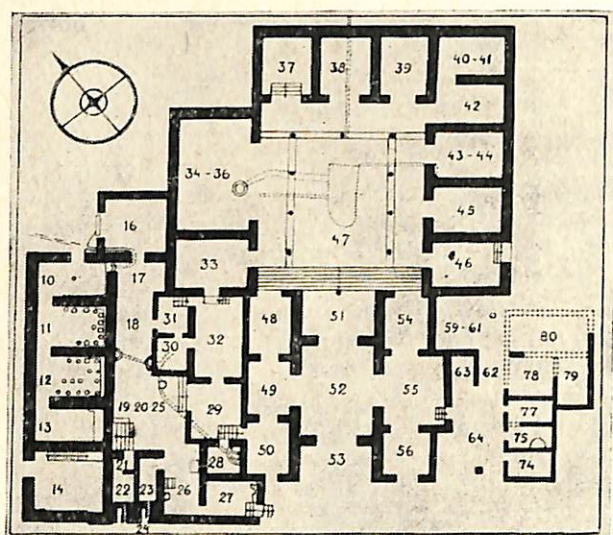

Рис. 1. План дворца первого периода

персы поручили своему стороннику, правителю Мариона, который построил укрепленный дворец, позволявший держать под контролем морские и сухопутные подступы к Солам. Естественно, что дворец был выстроен правителем-персофилом в старом древнекипрском духе, восточном по своей сути. Как полагает Э. Гьерстед, в 449 г., после победы Кимона, в Марионе к власти пришел династ-эллинофил, перестроивший дворец таким образом, что он получил характерно греческий элемент — мегарон. В заключение историографической справки заметим, что В. Карагеоргис вновь отмечает микенское влияние в плане этого дворца и преобладание черт архитектуры II тыс. до н. э. в связи с непосредственным продолжением старых традиций на Кипре¹⁰.

Сопоставляя дворец в Вуни с образцами архитектуры Передней Азии и Эгейского мира, нельзя не отметить своеобразия кипрского памятника.

⁶ V. Müller, The Palace of Vouni in Cyprus, *AJA*, XXXVII (1932), № 4, стр. 409—413.

⁷ V. Müller, A Reply, *AJA*, XXXVIII (1933), № 4, стр. 599.

⁸ E. Gjerstad, Further Remarks on the Palace of Vouni, *AJA* (1933), № 3, стр. 591; SCE, IV, стр. 231 слл.

⁹ SCE, III, 1, стр. 286—287; SCE, IV, стр. 486.

¹⁰ См. рецензию С. Я. Лурье на «Kadmos», № 1 в ВДИ, 1963, № 3, стр. 161. С самой работой В. Карагеоргиса, посвященной микенским пережиткам в позднекипрском искусстве, нам ознакомиться не удалось.

В дворцовой архитектуре Северной Сирии — области, исторически тесно связанной с Кипром, — в первой половине I тыс. до н. э. преобладают хилани, вытянутые в ширину здания, преимущественно парадные, официальное назначение которых подчеркивалось выделением фасадной стороны портиком. Сооружение имело вид замкнутого блока с неразвитым в плане внутренним пространством; небольшой внутренний двор не играл организующей роли, имея равное с другими помещениями значение. Ансамбли с центральным двором, скорее площадью, также имели главным образом парадный характер и представляли собой комбинацию изолированных замкнутых хилани, пристроенных один к другому¹¹. В нововавилонской архитектуре помещения группировались вокруг устроенных по первоначальному плану дворов, имевших

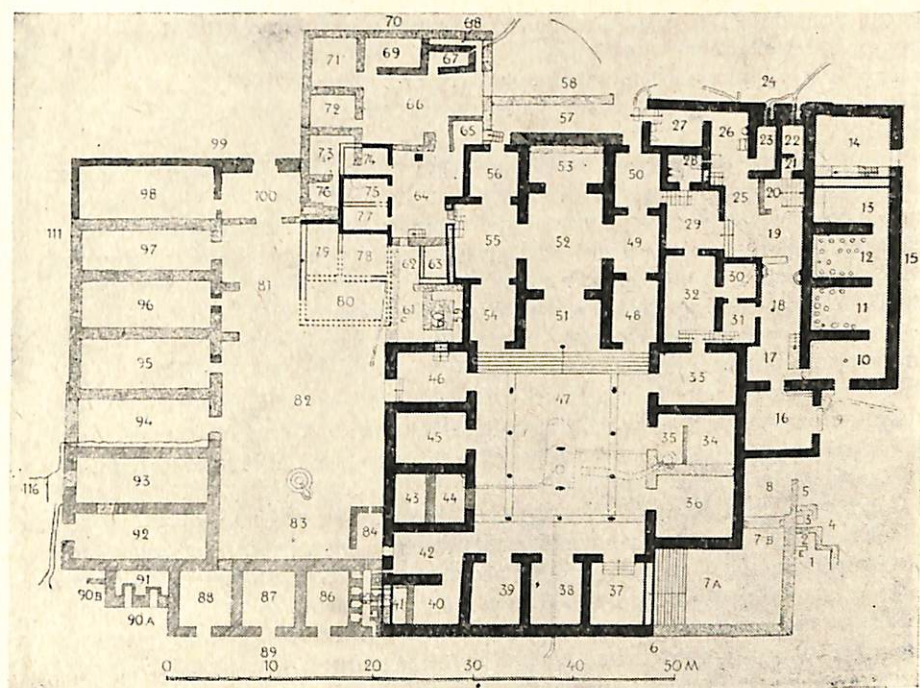

Рис. 2. План дворца второго периода

равное значение; прямоугольная ограда препятствовала последующему расширению дворцового ансамбля. Ассирийские дворцы близки нововавилонским, заимствуя из северосирийской архитектуры оформление фасадов в виде хилани¹². Учитывая персидское преобладание на Кипре в начале V в. до н. э., можно было бы ожидать влияние персидской дворцовой архитектуры. Однако в Персии, как и в Новом Вавилоне, мы не найдем в планировке дворцов единого организующего центра — главного внутреннего двора: резиденция в Персеполе состоит из изолированных, удаленных друг от друга, но объединенных в ансамбль гипостильных залов; дворец в Сузах имеет много общего с нововавилонскими. Значительное сходство центральная часть дворца в Вуни имеет с персидской резиденцией в Лахеше (Телль-эд-Дувейр, в Палестине)¹³, являющейся, однако, памятником местной, а не персидской архитектуры. Но ее главное по-

¹¹ Н. Frankfort, *Art and Architecture of the Ancient Orient*, Baltimore, 1954, стр. 168 (верхний дворец в Зенджирли).

¹² «Всеобщая история архитектуры», М., 1944, I, 1, стр. 129.

¹³ К. Watzinger, *Denkmäler Palästinas*, II, Lpz, 1935, табл. I, рис. 17; Н. Т. Bossert, *Altsyrien*, Tübingen, 1951, стр. 304, № 1022.

мещение находится в глубине внутреннего двора, а все сооружение, подобное нововавилонским дворцам, обнесено замкнутой прямоугольной оградой.

При всей оригинальности плана кипрского дворца не следует отрицать наличия в нем некоторых общих черт с памятниками Востока. Есть нечто общее с северосирийскими хилани в устройстве приемного зала непосредственно за входом, фланкировании центрального входа двумя боковыми выступами. Планировка входа с сообщающимися боковыми секциями известна уже в хеттской архитектуре и через посредство северосирийской была воспринята в Персии¹⁴. Вполне возможно, что на оформление внутреннего двора колоннами с хаторическими капителями оказал влияние мотив перистилей египетских храмов. Однако в сочетании первоначального плана со свободной последующей застройкой, в неправильных очертаниях и в отсутствии ограды значительно больше сходства с критскими дворцами II тыс. до н. э. Правда, в больших критских дворцах новые помещения теряют непосредственную связь с центральным ядром и группируются вокруг новых внутренних дворов, возникавших при последующем расширении и становившихся новыми, самостоятельными центрами¹⁵.

В Вуни центральный двор сохраняет свое главное значение и после расширения, в сравнении с дворцами Крита и Месопотамии здесь более отчетливо проявляется тенденция к симметрии, ясности плана, его осевому решению. Помещения более органично связаны с двором: они не имеют непосредственного сообщения друг с другом и выходят во двор, располагаясь вокруг него не лабиринтом, а подобно лепесткам цветка. Очевидно стремление к унификации размеров помещений и симметричному размещению комнат одинаковой величины на противоположных сторонах. Таким образом, архитектор исходил из единой системы дома — двора, где центральные части — двор и ближайшие помещения — строились по единому плану, одновременно. По-видимому, основным принципом планировки здесь, как позднее в Олинфе, была не пристройка друг к другу разновременных изолированных помещений, а как бы деление пространства, отведенного для центральной части¹⁶.

В ахейской Греции в отличие от Вуни с его единым центром — внутренним двором — главная часть дворца является соединением двух равных по значению и, очевидно, первоначально изолированных элементов — мегарона и центрального двора, пожалуй, даже с некоторым подчинением двора мегарону.

Таким образом, кипрский дворец обладает в сравнении с рассмотренными восточными и эгейскими памятниками вполне оригинальными чертами. Сходство с критскими дворцами является, вероятно, не результатом заимствования и продолжения критских традиций II тыс. до н. э., а распространением общего типа жилища в восточной части Эгейского бассейна¹⁷. Несмотря на значительные размеры, дворец вполне обозрим, так как все помещения концентрировались вокруг внутреннего двора. Органически сочетая жилые и официальные помещения, дворец в Вуни производит прежде всего впечатление большого удобного жилища, подобно позднейшим пергамским дворцам. Нельзя не вспомнить при этом сообщений античных авторов о роскоши жизни кипрских правителей и изнеженности правящей кипрской знати¹⁸.

Как мы видели, важнейшее место в дискуссии об архитектуре кипрского дворца занял вопрос о так называемом мегароне. По мнению Э. Гьерстеда, «мегарон», в ко-

¹⁴ «Всеобщая история архитектуры», I, 1, стр. 145.

¹⁵ Большое сходство имеет дворец в Вуни с критскими постройками меньших масштабов, например, с «малым дворцом» и «царской виллой» в Кноссе, но и здесь оно остается чрезвычайно общим, — главным образом в сходном принципе планировки с центральным двором. A. L a w r e n s, *Greek Architecture*, Harmondsworth, 1957, стр. 44, 45, рис. 26, 27.

¹⁶ D. M. R o b i n s o n, *Olynthus*, VIII, Baltimore, 1938, стр. 146—147.

¹⁷ На Кипре тип жилища с внутренним двором известен в первой половине II тыс. до н. э. — дом в Калопсиде среднебронзового периода. См. E. G j e r s t a d, *Studies on Prehistoric Cyprus*, Stockholm, 1926, стр. 146 сл.

¹⁸ SCE, IV, стр. 500.

торый превратился парадно-входной комплекс после перестройки, не был каким-то новшеством в кипрской архитектуре I тыс. до н. э., а продолжал традиции, связанные с ахейскими колонистами. Отмечая микенский характер раннегеометрических погребений в Лалифе и Курионе, Э. Гьерстед высказал предположение о сохранении на Кипре в это время жилищ мегаронного типа¹⁹. Эти ахейские традиции, по его мнению, отчетливо проявились в плане второго периода существования дворца. К. Шефольд полагал, что помимо храмовой архитектуры Греции мегарон устойчиво сохранялся в своем прежнем назначении в восточных областях, где сохранялась власть единоличного правителя, — на западе Малой Азии и на Кипре²⁰. В отличие от Э. Гьерстеда он утверждал, что главное помещение являлось мегароном и в начальный период существования дворца. В качестве ближайшей аналогии кипрскому двору К. Шефольд приводил дворец правителя в Ларисе, главной частью которого был в начале V в. до н. э. первоначально изолированный мегарон, впоследствии, при достройке, ставший частью ансамбля с центральным двором. Таким образом, весь комплекс приобрел сходство с кипрским. По мнению К. Шефольда, создание дворцовых ансамблей в Ларисе и Вуни шло одинаковым путем — путем соединения изолированного греческого мегарона с восточным внутренним двором, причем Вуни представляет более развитую фазу этого ансамбля²¹.

Представляется, однако, что не только пути создания дворцовых сооружений, но и их истоки в Ларисе и Вуни были разными. На Западе Малой Азии тип закрытого изолированного жилища, вытянутого, целесообразного в местных климатических условиях, сохранялся, по-видимому, еще с III тыс. до н. э. и был обнаружен в Трое II (III тыс. до н. э.), Бейчесултане²² (первая половина и конец II тыс. до н. э.), Трое VII (конец II тыс. до н. э.), в Старой Смирне (первая треть I тыс. до н. э.)²³. Очевидно, этот вариант принесли с собой и ионийцы во время колонизации²⁴; он известен на Хиосе в VII в.²⁵, а на Самосе и в VI в. до н. э.²⁶. Может быть, на длительное сохранение этого типа указывает и сходство главного помещения приенских домов IV в. до н. э. с мегароном (правда, в Приене эта часть дома сообщается с соседними комнатами). Видимо, устойчивый местный тип жилища повлиял на форму главного помещения в Ларисе²⁷. Совершенно очевидно, что дворцовый комплекс на акрополе Ларисы складывался постепенно, из отдельных замкнутых блоков — наиболее ранней части — хилани мегарона и дополнительных построек, сохранявших обособленность даже в сформировавшемся к 450 г. до н. э. ансамбле с центральным двором, окруженным колоннами с трех сторон²⁸.

Кипрский дворец, как указывалось выше, восходит к единой системе дома с вну-

¹⁹ SCE, IV, стр. 431.

²⁰ I. Boehlau, K. Shefold, *Larisa am Hermos*, I, B., 1940, стр. 28, 33.

²¹ Там же, стр. 33; В. Мюллер (*The Palace of Vouni*, стр. 409) также считал, что дворец в Вуни является промежуточной фазой в эволюции от ансамбля микенского типа к дому олинфско-делосского типа с единым центром — внутренним двором.

²² «*Anatolian Studies*», X, 1960, стр. 32.

²³ R. V. Nicholls, *Old Smyrna*, ABSA, № 53—54, 1958—1959, стр. 55.

²⁴ H. Lorimer, *Homer and the Monuments*, L., 1950, стр. 440. Постройки мегаронного типа обнаружены также на берегах Коринфского залива, в Арголиде и Афинах (VIII в. до н. э.).

²⁵ BCH, LXXIX, 1955, стр. 288.

²⁶ Lorimer, ук. соч., стр. 410.

²⁷ Вряд ли прав К. Шефольд, настаивая на непрерывной традиции связи мегарона с единоличной формой правления. По-видимому, в Ларисе эта традиция берет свое начало в V в. до н. э. Первый дворец, построенный здесь еще около 570—550 гг., имел форму хилани, мегарон сооружается около 500 г. до н. э. (Boehlau, Shefold, ук. соч., стр. 26, 28).

²⁸ Там же, стр. 30, рис. 5.

тренним двором. Из сооружений этого типа II тыс. до н. э., помимо известного уже дома в Калописе, следует указать на богатое здание № 18 XIV—XIII вв. до н. э. в Энкоми²⁹, представлявшее комплекс помещений размерами 55 × 33 м с внутренним двором 5 × 8 м. По мнению К. Шеффера, как в технике, так и в плане центральной части этого здания прослеживается сильное влияние архитектуры микенской Греции³⁰. Однако мегарон, столь характерный не только для дворцов, но и для микенских жилищ³¹, здесь отсутствует. Вполне вероятно предположение К. Шеффера о принадлежности дома № 18 ахейскому правителю³², но план этого дома свидетельствует о развитии местного типа жилища, получившего в условиях регулярной планировки Энкоми правильную прямоугольную форму, однако и испытавшего некоторое влияние ахейской архитектуры, главным образом в строительной технике.

Кипрская традиция в жилой архитектуре была весьма устойчивой — преобладающим в конце II тыс. до н. э. оставался местный тип жилища, тогда как постройки мегаронного типа, не целесообразные в местных природных условиях, не получили здесь распространения. В связи с этим особенно сомнительным представляется как вообще сохранение мегарона на Кипре до середины I тыс. до н. э., так и его наличие в Вуни. Трудно согласиться с Э. Гьерстедом, утверждающим, что парадно-входной комплекс, в плане которого наиболее ярко проявились восточные связи кипрской архитектуры, стал впоследствии мегароном. Напротив, после перестройки расположение главного помещения, по-прежнему связанного с соседними комнатами в глубине двора, придало центральной части дворца еще большее сходство с резиденцией в Телль-эд-Дувейре³³. Вызывает сомнение также истолкование перестройки дворца как материального воплощения греческой ориентации нового правителя Марiona. Даже в случае близкого сходства этой части дворца с мегаронами следовало бы не только предполагать распространенность мегарона в Греции того времени, но и считать его наиболее характерной чертой греческой жилой архитектуры, которой подражал руководитель перестройки. Между тем мегарон в своей старой функции в Греции V в. до н. э. не встречается; нужно учесть также, что в иных социальных условиях Балканской Греции того же периода там вообще не существовало зданий, подобных дворцу в Вуни. Мотив мегарона, притом изолированного, получил в Греции I тыс. до н. э. совершенно новое истолкование, став основой греческого храма. Перестройка кипрского дворца в середине V в. до н. э. была связана, вероятнее всего, с его расширением; политические соображения, если они и имели место, были негативного характера и могли быть направлены на ослабление впечатления фронтальности и парадности, подчеркнутых видом главного фасада.

Уникальные памятники архитектуры Восточной Греции — дворцы в Ларисе и Вуни — являются наиболее древними известными нам резиденциями правителей архаического периода. Они интересны и с точки зрения дальнейшего развития греческой архитектуры, будучи прообразом дворцов эллинистических династов и вообще перистильных сооружений эллинистического периода. Разные пути формирования развитого перистильного двора в Ларисе и Вуни представляют своеобразную параллель более поздним аналогичным процессам в эллинистической Греции. Кипрский вариант ближе олинфско-делосскому, в основе которого можно видеть тип дома — двора с более органической связью помещений и внутреннего двора и с их более равноценным распределением вокруг него по сравнению с Приеной, где внутри четко выделяется

²⁹ Cf. F. A. Schaeffer, *Eukomi — Alasia*, P., 1952, стр. 336 слл.

³⁰ К. Шеффер (ук. соч., стр. 340) полагает, что тип здания перенесен на Кипр в сложившемся виде микенскими колонистами и не связан с местной архитектурной традицией.

³¹ Lawrens, ук. соч., стр. 77, 78, рис. 44.

³² На это указывают предметы, найденные в здании, и богатый инвентарь микенского типа из погребения около дома.

³³ Отмеченное Э. Гьерстедом для начального периода существования дворца (SCE, IV, стр. 232).

портиком главное помещение, сохраняющее следы обособленности. К приенскому типу мог вести самостоятельный путь ³⁴, но не исключена возможность, что опыт Ларисы был использован уже в готовом виде. Последнее предположение вполне вероятно в связи с тем, что в Ларисе связь архитектуры архаики и эллинизма прослеживается особенно явственно: около 330 г. до н. э. на акрополе создается новый дворцовый комплекс, превосходящий старый размерами ³⁵. В его плане видна не последовательная пристройка разновременных элементов, как это было в первом дворце, а единая система с центральным двором, объединявшим помещения пропорциональных размеров. Главные помещения, расположенные попарно с двух сторон двора, сохраняя некоторое сходство с мегароном, фактически потеряли свою обособленность. Возможно, именно опыт создания второго дворца повлиял на план приенских домов.

Проследить подобную преемственность на Кипре пока не представляется возможным. Дворец в Вуни, единственный известный в настоящее время памятник монументальной архитектуры Кипра конца архаического периода ³⁶, в начале IV в. до н. э. был разрушен и больше не восстанавливался; здания классического и раннеэллинистического времени не известны ³⁷.

В заключение следует еще раз подчеркнуть связь дворца в Вуни с местными традициями II тыс. до н. э. Вряд ли можно говорить о непосредственном их продолжении: в связи с социально-экономическими изменениями в конце II тыс. до н. э. жилища начала геометрического периода были, по всей вероятности, примитивными; раскопки не обнаружили остатков богатых домов или дворцов ³⁸. Развитый тип богатого жилища с внутренним двором, судя по появлению монументальных погребальных сооружений, мог возникнуть вновь по мере созревания соответствующих условий в кипрском обществе в конце геометрического — начале архаического периода. Именно в связи с этим, на наш взгляд, нельзя говорить о непосредственном продолжении на Кипре традиций дворцовой архитектуры Крита и Микен, тем более, что дворец в Вуни, как и рассмотренные выше кипрские здания II тыс. до н. э., представляет собой отличающийся от критского и микенского местный вариант сооружения с внутренним двором ³⁹. Возможно, однако, косвенное влияние старых традиций, сохранившихся в культовой архитектуре. Хотя теменос геометрического периода в Агиа-Ирини ⁴⁰ проще и беднее

³⁴ В Балканской Греции начальный этап этого пути можно видеть в доме V в. до н. э. в Дистосе (на Эвбее), имеющем значительно менее регулярный в сравнении с Олинфом план — с двумя небольшими дворишками и помещениями по их сторонам. Lawrens, ук. соч., стр. 241, рис. 135.

³⁵ Boehlau, Shefold, ук. соч., стр. 41.

³⁶ Э. Гьерстед сообщает об остатках дворца в Идалионе, обнаруженного разведкой, но не исследованного (SCE, III, 1, стр. 453). Из предварительных сообщений известно об открытии большого здания дворцового типа в Пафосе (F. G. Maier, Zur Stadt-Geschichte von Alt-Paphos, «Historia», III (1954), № 1, стр. 124).

³⁷ Майер (Maier, ук. соч., стр. 124) сообщает об открытии эллинистических домов в Пафосе без каких-либо подробностей и датировки.

³⁸ Кипрское общество этого времени известно нам почти исключительно по данным некрополей. Остатки небольшого дома неправильной четырехугольной формы сохранились только в Киттоне (SCE, III, 1, стр. 18).

³⁹ Иногда отмечается, что в плане дворцов Ларисы и приенских эллинистических домов сохраняются микенские традиции соединения мегарона с центральным двором (Lawrens, ук. соч., стр. 244, 246). По-видимому, можно говорить лишь о традиционном сохранении в плане главных помещений черт постройки мегаронного типа, характерного для запада Малой Азии с древнейших времен. Как мы видели, связь этого «мегарона» с центральным двором в первом дворце является конечным результатом самостоятельного процесса, начавшегося в VI в. до н. э. и не имевшего связи со II тыс. до н. э.

⁴⁰ E. Sjökvist, Die Kultusgeschichte eines kyprischen Temenos, «Studien z. Religionswiss», XXX, 1933, стр. 310, 325.

святилищ конца бронзового века в Идалионе ⁴¹, Мирту-Пигадах ⁴² и той же Агна-Ирини, общим и важнейшим их элементом является внутренний двор, вокруг которого в святилищах располагались культовые и хозяйственные постройки. Однотипность планировки святилищ и дворца ⁴³ служит лишним доказательством глубоких местных корней его архитектуры ⁴⁴. В архаическое время кипрское культовое зодчество оставалось крайне простым: святилища представляли собой главным образом открытый двор, обнесенный оградой, нередко с культовым помещением.

Несмотря на единый принцип планировки, святилища отличались от дворца в Вуни скромными размерами, неправильной формой, отсутствием симметрии и фронтальности. Эти две последние черты появляются в храмовых постройках позднее — в эллинистическое время и особенно в первые века н. э. Один из храмов III в. н. э. в Солах сближают с дворцом в Вуни не только указанные качества, но и трехчастное деление входа и закрытой постройки, расположенной в глубине двора ⁴⁵. Судя по изображениям на монетах, храм Афродиты в Пафосе также представлял собой открытый двор с культовым помещением, имевшим высокую среднюю и низкие боковые части ⁴⁶.

Ю. А. Савельев

⁴¹ E. Sjökvist, *Problems of the Cypriote Late Bronze Age*, Stockholm, 1941, стр. 4—5.

⁴² J. du Plat-Taylor, *Mirtou-Pigadhes*, Oxf., 1955, стр. 103—104.

⁴³ A. Westholm, *The Paphian Temple of Aphrodite*, «Acta Archaeologica», IV, 1933, стр. 277; он же, *Temples of Soli*, Stockholm, 1936, стр. 154, 167.

⁴⁴ В этой связи особенно неубедительной кажется концепция В. Мюллера (*The Palace of Vouni...*) о Месопотамии как единственном центре происхождения и распространения мотива внутреннего двора. Этот тип сооружений на Кипре и других областях Средиземноморья возникал самостоятельно, в связи с внутренними предпосылками. Да и в самой Месопотамии он не был древнейшим и единственным в южных районах в III тыс. до н. э. и не характерен для севера Двуречья с его более суровыми климатическими условиями («Всеобщая история архитектуры», I, 1, стр. 99).

⁴⁵ Westholm, *The Temples of Soli*, стр. 92, рис. 59—62; SCE, III, 1, стр. 484—486.

⁴⁶ Westholm, *The Temples of Soli*, стр. 159, рис. 75—77.

ОЛЬВИЙСКАЯ НАДПИСЬ С ПОСВЯЩЕНИЕМ АПОЛЛОНУ ВРАЧУ

Во время работ Ольвийской экспедиции 1962 г. стало известно, что на территории некрополя, в верховье Заячьей балки обнаружена монументальная мраморная плита. Плита, находившаяся у края степной дороги, стояла в слегка наклонном положении на одной из боковых сторон и была уже немного окопана. На видимой, тщательно обработанной поверхности имелись два чашеобразных углубления, свидетельствовавшие о жертвенном назначении плиты; на противоположной стороне был замечен след от установки бронзовой статуи. Это дало основание полагать, что на боковой поверхности, целиком ушедшей в землю, может находиться надпись.

Огромная тяжесть плиты не позволила первооткрывателю не только увезти, но даже сдвинуть или приподнять ее с места. Поэтому, очевидно, начатые им работы были приостановлены. Плита оказалась столь тяжелой, что даже после ее полного раскрытия сдвинуть плиту удалось только при помощи автомашины. Она была доставлена в лапидарий Ольвийского заповедника, где сейчас и хранится.

То, что удалось увидеть, когда плита еще не была даже приподнята, превзошло все ожидания: на боковой стороне, ушедшей в землю, действительно имелась посвятельная надпись, причем почти полной сохранности и весьма интересного содержания.

Плита из белого мелкозернистого мрамора, высокого качества, имеет почти правильную квадратную форму; размеры: длина 0,98 м, ширина 0,80 м, толщина 0,32 м. Она была тщательно отполирована со всех сторон, но пострадала от времени: оббиты все грани, местами больше сколы и выбоины. Большой скол имеется и в верхней части лицевой поверхности по ее середине: в значительной мере сбита первая строка трехстрочной надписи, вырезанной на лицевой поверхности плиты (рис. 1). Две первые строки находятся на расстоянии 2 см друг от друга; третья отстоит на 10 см от второй строки.

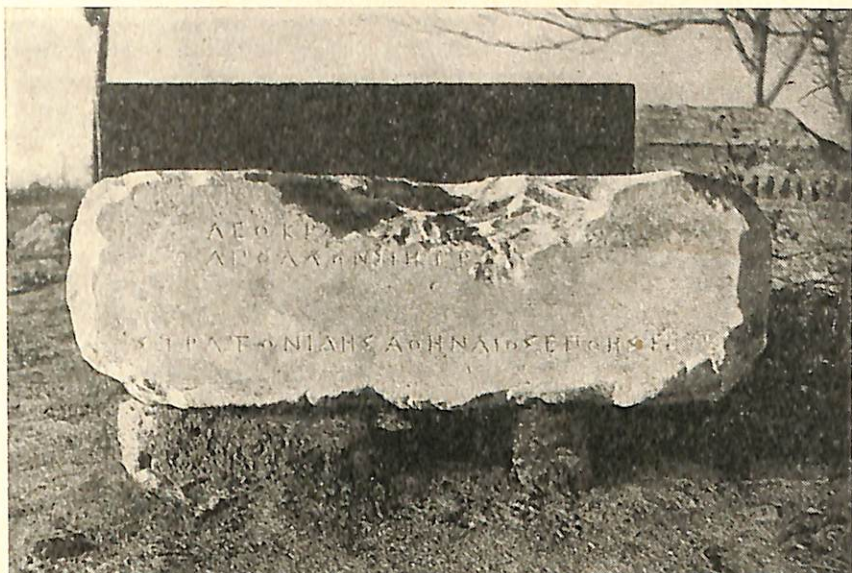

Рис. 1. Мраморный постамент с посвяительной надписью Аполлону Врачу (О/62 № 3659)

Первая строка надписи расположена точно посередине плиты; вторая — несколько не доходит до конца первой, а третья — слегка выходит за линию начала и конца двух верхних строк. Над последним словом третьей строки видно еще одно слово (о котором речь будет позднее), вырезанное в обратном положении к рассматриваемой надписи и не имеющее к ней отношения.

Текст :

Λεοκρά[της ----] ου
'Απόλλωνι 'Ιητρ[ῶι]
Στρατωνίδης 'Αθηναῖος ἐπέγραψε

Перевод: «Леократ, сын такого-то, Аполлону Врачу (посвятил). Стратонид, афинянин сделал».

Имя Леократа мы восстанавливаем, базируясь на уже известных ольвийских именах; оно встречается в списке ольвийских граждан¹. От имени отца сохранилось лишь окончание родительного падежа на ου.

Итак, перед нами посвяительная надпись Леократа, поставившего бронзовую статую Аполлону Врачу. В последней строке указано имя афинского скульптора. Этим и объясняется большой промежуток между первыми строками и последней: имена мастеров обычно вырезались в конце плиты, на известном расстоянии от основного текста и часто более мелким шрифтом.

Надпись вырезана очень тщательно. Буквы довольно глубоко вдаются в мрамор; размер букв 0,02 м; О и Ω несколько мельче. Первые буквы верхних строк написаны

¹ IOSPE, I², № 201, I, 62 и второй раз в этой же надписи — I, 1.